

Первым уроком после обеда шла физика — предмет, который давался Цзи Мянью сложнее всего. Он сидел на предпоследней парте, стараясь не упускать ни единого слова.

Учитель — немолодой мужчина с заметной лысиной — внезапно прервался на полуслове и бросил короткий взгляд на заднюю дверь, после чего как ни в чем не бывало продолжил лекцию. Ученики, привыкшие ловить каждое изменение в настроении педагога, тут же зашептались и начали оборачиваться. Цзи Мянь остался безучастен: его ручка продолжала методично скрипеть по бумаге, заполняя бланк ответов.

Тишину для него прервал лишь легкий тычок ручкой в спину.

— Цзи Мянь, — раздался за спиной едва слышный девичий шепот.

Юноша обернулся и вопросительно взглянул на одноклассницу. Та указала на дверь в конце кабинета.

Проследив за её жестом, он первым делом увидел Линь Чжэнхуа, который стоял в проеме и ободряюще кивал ему. Но прямо за спиной учителя возвышалась другая фигура. Темный, глубокий взгляд Дуань Чжо был прикован прямо к нему.

Зрачки Цзи Мян्या на мгновение сузились. Спустя пару секунд он поднялся и, понуриив голову, вышел в коридор.

— Учитель Линь, — негромко произнес он, прикрыв за собой дверь.

— Твой брат пришел за тобой, — Линь Чжэнхуа слегка коснулся плеча юноши и подтолкнул его к стоящему рядом мужчине.

Цзи Мянь не смел поднять глаз. Стоя с опущенной головой, он лишь выдавил из себя:

— Брат.

— Ну, раз вы встретились, я пойду — дел еще много. Вы поговорите тут, — Линь Чжэнхуа бросил на них осторожный, испытывающий взгляд.

Глядя на Цзи Мян्या и его «брата», учитель чувствовал какую-то странную фальшь. Атмосфера между ними была до того тяжелой и натянутой, что больше всего напоминала... его собственные ссоры с женой, когда та объявляла ему холодную войну.

Дуань Чжо вежливо кивнул классному руководителю и поблагодарил его. Линь Чжэнхуа, встряхнув головой, поспешил уйти, стараясь отогнать от себя нелепые мысли.

«Видно, совсем я зашился с этой работой, раз в голову такая чепуха лезет», — подумал он напоследок.

Как только учитель скрылся за поворотом, Дуань Чжо снова перевел взгляд на юношу. Глядя сверху вниз на его макушку, он негромко спросил:

— Почему не брал трубку?

Цзи Мяннь растерянно моргнул.

«Ах, значит, он всё-таки перезванивал мне позже».

— Шел урок, я поставил телефон на беззвучный. Прости, брат, что заставил тебя волноваться.

— ...Посмотри на меня.

Пальцы Цзи Мяннь судорожно сжались. Спрятав руки за спину, он принялся кончиком ногтя ковырять холодную мраморную облицовку стены, крайне неохотно поднимая голову. Он смотрел на Дуань Чжо, но намеренно избегал его прямого взгляда. В его глазах читалась явная, едва скрываемая обида.

Мужчина вспомнил тот дрожащий голос в трубке и то, как внезапно прервался звонок. Он так разволновался, что примчался сюда, а в итоге встретил лишь холодную отстраненность.

Он нахмурился:

— Кто тебя обидел? Для чего ты мне звонил?

Стоило этим словам прозвучать, как сердца обоих болезненно сжались.

Когда-то они созванивались по несколько раз в неделю. Сложно было вспомнить тот момент, когда Цзи Мяннь перестал звонить, а Дуань Чжо перестал интересоваться его делами. Даже во время Праздника весны, когда выпускникам дали всего неделю отдыха, они по какому-то негласному уговору избегали друг друга. Сразу после первого дня нового года мужчина нашел предлог, чтобы уйти, и вернулся лишь тогда, когда юноше пора было возвращаться в школу.

«Вы и обидели», — бесстрастно подумал Цзи Мяннь.

— Цзи Мянью, — голос Дуань Чжо неожиданно смягчился. — Отвечай.

— Ничего особенного, брат, — Цзи Мянью поджал губы, но всё же решился озвучить предложение Системы. — Я просто хотел взять отпуск на два месяца. До экзаменов осталось совсем немного, и я хочу провести это время за тестами, чтобы подтянуть баллы.

Собеседник надолго замолчал.

— И только ради этого ты звонил?

— Да.

— Хорошо. Нужна моя подпись?

— Да, брат.

— Тогда почему ты... — он хотел спросить, почему тот так запинался и дрожал по телефону, но, увидев поникшие плечи и опущенные веки юноши, проглотил слова.

«Чертов мальчишка, — в сердцах выругался он про себя. — Подростковый возраст вроде прошел, а характер — хуже некуда».

Тяжело вздохнув, он бросил:

— Собирай вещи, я пойду распишусь.

Затем мужчина развернулся, чтобы уйти.

— Брат, — внезапно окликнул его Цзи Мянью.

Дуань Чжо замер.

— Ты... ты ведь ненавидишь меня, да?

Он застыл на месте и лишь спустя несколько секунд медленно обернулся. В его темных глазах отразилась целая гамма сложных, нечитаемых чувств.

— С чего ты это взял?

Прошло немало времени, прежде чем Цзи Мянь глухо отозвался:

— Я не дурак. Я же чувствую.

Дуань Чжо опустил взгляд, выглядя почти уязвленным, но вскоре кривая усмешка тронула его губы:

— Не дурак, значит?

Цзи Мянь промолчал.

Мужчина смотрел на него еще пару секунд, а затем внезапно подошел и крепко обнял. Это было простое объятие, лишённое всякого двусмысленного подтекста.

Там, где Цзи Мянь не мог его видеть, выражение лица Дуань Чжо наполнилось такой нежностью, какой юноша никогда прежде на нем не встречал.

Цзи Мянь почувствовал аромат чистого белья и едва уловимый, горьковатый запах табака.

Низкий голос прозвучал над самым ухом, словно тихий шепот, обращенный к самому себе:

— Разве тебя можно ненавидеть?

Сердце Цзи Мяня вдруг успокоилось, и он доверчиво уткнулся лицом в его грудь. Дуань Чжо стал курить гораздо больше, чем раньше, но сейчас этот запах впервые не показался юноше неприятным.

Несмотря на то, что причины былой холодности оставались неясными, в этот момент он был точно уверен в одном: его не ненавидят.

— Не забивай себе голову ерундой, — Дуань Чжо пару раз взъерошил его волосы и отстранился.

Цзи Мянь промолчал.

Была ли это «ерунда»? Разумеется, нет.

Но он не стал ничего спрашивать. В этом вопросе они оба предпочли молчание: один не хотел допытываться, другой — объясняться. Никто не желал разрушать тот хрупкий мир, что воцарился между ними.

— Иди, жди меня. Я подпишу бумаги.

На губах Цзи Мянэ наконец заиграла слабая улыбка.

— Хорошо, брат.

***

Пока они укладывали учебники и ехали домой, Цзи Мянэ был непривычно многословен. За те полгода, что они почти не общались, у него накопилось столько слов, что выговорить их все за несчастные двадцать минут пути было задачей почти невыполнимой.

Дуань Чжоэ всю дорогу молча слушал его, и на его лице не было ни тени раздражения. Всё было точь-в-точь как прошлым летом.

— Я так давно не брался за инструменты, что у меня даже мозоли на ладонях сошли, — пожаловался Цзи Мянэ, когда машина въехала в их переулок. Он раскрыл ладони, глядя на них с явным огорчением.

Юноша всерьез опасался, что навыки, наработанные таким трудом, могут бесследно исчезнуть из-за долгого перерыва.

Припарковав машину, Дуань Чжоэ взглянул на его руки.

— Дай посмотрю.

Цзи Мянэ, не раздумывая, вложил свою правую ладонь в широкую руку мужчины. Он почувствовал, как пальцы собеседника на мгновение заметно напряглись.

— Брат? — он заглянул ему в лицо, решив, что его ладонь слишком холодная.

— М-м, — Дуань Чжоэ перевернул изящную, бледную кисть ладонью вверх. Его движения были слегка нерешительными, но в конце концов он осторожно коснулся подушечек пальцев юноши, проверяя наличие мозолей.

У Цзи Мянэ были красивые руки: длинные пальцы, четко очерченные суставы, но без лишней резкости. Такие руки созданы для того, чтобы держать перо или играть на пианино. И хотя его кисть была вполне нормального размера, в ладони Дуань Чжоэ она казалась совсем маленькой.

— И впрямь исчезли, — подтвердил тот.

Даже на подушечках большого и указательного пальцев — там, где при резьбе нагрузка всегда была максимальной — кожа стала мягкой и нежной.

— Вот закончу с экзаменами и обязательно их верну, — весело пообещал Цзи Мянью.

В его голосе звучала такая легкость, будто долгие месяцы отчуждения никак не повлияли на их отношения. Казалось, атмосфера в машине стала даже более гармоничной, чем когда-либо прежде, наполнившись какой-то едва уловимой, переходящей границы дозволенного близостью.

Дуань Чжо лишь молча улыбнулся в ответ. Он не спешил отпустить руку Цзи Мянью, стараясь продлить это короткое мгновение нежданного тепла.

<http://bllate.org/book/15358/1420229>